

УДК 398.41

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ:
СЮЖЕТЫ О ДУХАХ НИЗШЕЙ ДЕМОНОЛОГИИ**

**MYTHOLOGICAL STORIES OF WESTERN BURYATS:
STORIES ABOUT THE DEMONS OF LOWER DEMONOLOGY**

©**Николаева Н. Н.**

канд. филол. наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук

г. Улан-Удэ, Россия, natanika80@mail.ru

© **Nikolaeva N.**

Ph.D., Institute for Mongolian,

Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS

Ulan-Ude, Russia, natanika80@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мифологические рассказы бурят, в которых реализуются сюжеты о духе низшей демонологии *адá*, связанном с детскими болезнями и смертью. Рассмотрен книжный материал, привлечены архивные материалы, датируемые фиксацией в XIX – середине XX вв., и полевые записи экспедиционных отрядов Бурятского института общественных наук, сделанные во второй половине XX в. и хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Также использованы полевые материалы автора, собранные в Иркутской области в 2010-х гг.

Выделяется несколько основных сюжетов с вариантами: о происхождении / появлении, распространении духов ада; о борьбе шаманов против *адá*; о встрече с *адá* и ее последствиях. В рассказах этиологического характера время действия не определено или отнесено к отдаленному прошлому, установка на достоверность выражена слабо, нет ссылок на свидетелей или участников контакта, либо собственного субъективного опыта взаимодействия с духом, также нет, в целом, описания самой встречи с *адá*, но есть мифологическое объяснение – почему и как появились подобные существа. Сюжет «шаман изгоняет *адá*» также достаточно распространен. Рассказы с подобным сюжетом уже более конкретизированы и нередко связаны с именами реальных шаманов и людей, живших в той или иной местности, событие четко локализовано в пространстве и времени. Рассказы о встрече или контакте простых людей с *адá* наиболее многочисленны и разнообразны, и именно по ним можно проследить трансформацию представлений об этом духе, методов борьбы с ним, выявить влияние иноэтнической традиции и т. д.

Ранние сюжеты вариативны и объемны. В более поздних происходит утрата некоторых мотивов, сюжеты более упрощены и кратки, реализуется типовая ситуация встречи с духом, но продолжает сохраняться структура рассказа, представление о мифологическом персонаже.

Abstract. The article discusses the mythological stories of the Buryat which realize plots with the demon *adá* of lower demonology associated with children's illness and death. The book

material, archival materials stored in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS dating back to the fixation in the XIX-mid of the XX centuries and field recordings of the expedition groups of the Buryat Institute for Social Sciences made in the second half of the 20th century are brought in. Also field materials of the author collected in Irkutsk region in 2010-ies are used.

There are several basic plots with variations: about the origin / appearance and the proliferation of the *adá*; about the struggle of shamans against *adá*; about a meeting of men with it and the consequences of this meeting. In the stories of etiological character the action time is not defined or attributed to the distant past; the establishment of reliability is poorly expressed, there are no references to witnesses or contact participants or one's own subjective experience of interacting with the demon; there is no description of the meeting with *adá* but there is a mythological explanation as to why and how did such beings appeared. The plot of "the shaman casts out of *adá*" is also quite common. Stories with a similar plot are more concretized and often associated with the names of real shamans and people who lived in a particular place, the occasion is well localized in space and time. Stories about the meeting or contact of ordinary people with *adá* are most numerous and varied. It is through them that one can trace the transformation of ideas about this demon and methods of methods of struggle against it and reveal the influence of another ethnic tradition etc.

The early stories are diverse, variable and voluminous. In later stories some of the motives are lost, plots are more simplified and brief, a typical situation of meeting with the demon is realized. But the structure of the story, the general idea of the mythological character continues to be preserved.

Ключевые слова: буряты, мифология, демонология, сюжет, мотив.

Key words: Buryats, mythology, demonology, plot, motive.

Одним из жанров бурятского фольклора, сохраняющим витальную активность, являются устные мифологические рассказы демонологического характера. С.Ю. Неклюдов отмечает: «Их бытование продолжается, не прерываясь в развитии, вероятно с самого зарождения повествовательных традиций. Они лишь несколько меняют предмет изображения, который, тем, не менее, всегда сохраняет важнейшие структурно-семантические и функциональные признаки, позволяющие говорить о нем как о принципиально едином объекте, связанном с несколькими «базовыми» эмоциями человека любой эпохи и культуры: страхом, удивлением, любопытством» [1].

Этот материал в бурятской фольклористике практически не тронут, специальных исследований, посвященных изучению сюжетов и их вариантов, системы мотивов, систематизации и классификации мифологических персонажей не проводилось, за исключением сведений общего характера в работах исследователей. Записи собирателей разных лет есть в отчетах экспедиционных отрядов, полевых тетрадах, хранящихся в архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН или закрытых личных архивах, и не введены в научный оборот, за редким исключением.

Нами проанализирован архивный и книжный материал, датируемый фиксацией в конце и начале XIX – середине XX вв., содержащий мифологические рассказы или сведения о мифологических персонажах. Также привлечены более современные полевые записи, сделанные в 1970-х и 2010-х гг. Были рассмотрены тексты с четко прописанным сюжетом,

где можно выделить своего рода зачин (или пролог), основную часть (в которой разворачивается действие, при этом внутренний хронотоп рассказов может быть отдаленным по времени) и финальную часть (в которой подводится итог или делается какой-то вывод). Кроме этого, были приняты во внимание тексты, носящие дескриптивный характер и выполняющие скорее информативную функцию. Однако подобное деление текстов достаточно условно и искусственно. И в архивных, и в современных полевых материалах нередко невозможно отделить информативную часть от сюжетной. Информация о мифологическом персонаже (его внешнем виде, функциях, локализации, обстоятельствах контакта с ним, действиях апотропейного порядка и т. д.) часто предваряет случай, о котором повествуется, и представляет собой преамбулу к сюжетному действию. В финальной части рассказ может оканчиваться своего рода инструкцией – предписанием или запретом каких-либо действий, которая также тесно связана с преамбулой.

В фольклористике тексты первого типа, т. е. сюжетные рассказы, традиционно называются быличками, а второго, т. е. бессюжетные сообщения о верованиях, обычаях, обрядности – поверьями. В связи с этим встает вопрос о принадлежности последних к фольклорным речевым жанрам. Вслед за С. Ю. Неклюдовым, Е. Е. Левкиевской и В. А. Черваневой мы рассматриваем тексты второго типа как фольклорные, относящиеся к сфере фольклора «как любой устный мифологический текст, бытующий в народной среде» [2; 3, с. 34]. Таким образом, условно выделяя сюжетные рассказы и бессюжетные информативные сообщения, мы рассматриваем их в одном фольклорном пространстве в живом бытовании традиции.

Цель работы – обзор группы мифологических рассказов одной локальной традиции, где отмечено их бытование, выявление сюжетных типов и их вариантов. В проанализированном материале нами выделены тексты, которые подразделяются на следующие сюжетно-тематические группы по основному действующему мифологическому персонажу:

- рассказы о встречах с духами-*бохолдьями*;
- о духах, вредящих детям;
- о людях с необычными способностями.

В общем массиве текстов в процентном соотношении преобладают рассказы о встречах с духами-*бохолдьями*. Также многочисленны рассказы о духах, вредящих детям – *адá*. Первая группа была рассмотрена нами ранее [4], остановимся более подробно на сюжетах второй группы.

Адá – злые духи-оборотни низшей шаманской мифологии, насылающие детские болезни и смертность, а также вредящие взрослым [5, с. 13-14]. Анализ материала показывает, что бытовало несколько сюжетов о духах *адá*:

1. Об их происхождении / появлении, распространении;
2. О борьбе шаманов против *адá*;
3. О встрече с *адá* и последствиях этой встречи.

В рассказах с сюжетом и мотивами этиологического характера время действия не определено или отнесено к отдаленному прошлому, установка на достоверность выражена слабо, нет ссылок на свидетелей или участников контакта, либо собственного субъективного опыта взаимодействия с духом, также нет, в целом, описания самой встречи с *адá*, но есть мифологическое объяснение – почему и как появились подобные существа. Их появление связывается с кузнецом, который будучи бездетным, сделал (выковал) себе ребенка (1, л. 38-40). Существуют вариации, в которых ребенка-*адá* (девочку) творят из цветов. Выделяются

основные мотивы: кузнец, выполняющий функцию творца, бездетность, сотворение ребенка, его ненасытность, высасывание им жизненной силы других детей (при этом жизненная сила имплицитно отождествляется с кровью), попытка уничтожения чудовищного ребенка, его окончательное превращение в *адá*.

Появление *адá* в определенной местности может связываться с основателями тех или иных родов. Так, существует рассказ с очевидным отношением к генеалогическим легендам – о красавице Голохон, дочери Готóла, которая была захвачена и увезена на р. Лену. Братья вернули ее на родину в Идинскую долину (совр. Боханский район Иркутской области), она родила близнецов Аргахана и Абашá (*Ашаанда ерэхэн Аргахан, Абаһаа ерэлсэхэн Абаша* ‘в тороках привезенный Аргахан, на облаве найденный Абашá’), которые впоследствии основали поселок Бохан (бур. *Аргахан*). Вслед за Голохон из долины Лены пришли *адá* и размножились в Идинской долине, отсюда пошло выражение *Аргаханай арбан адá* ‘десять адá Аргахана’ (2, лл. 4-5). Этот мотив – приход духов в одну местность из другой, встречается во многих сюжетах.

Сюжет «шаман изгоняет *адá*» также достаточно распространен и встречается в материалах М. Н. Хангалова, Н. И. Затопляева, П. П. Баторова (вторая половина XIX в.) [6, с. 273; 7, с. 3; 8, с. 10], и С. С. Бардахановой [9, с. 103-104] (середина XX в.) и в наших полевых записях (3-4) (начало XXI в.). Этот сюжет реализуется в нескольких вариантах:

- шамана/шаманку просят помочь семье, где умирают дети; шаман/шаманка приходит в дом и видит несколько *адá*; делаются приготовления – готовят саламат, жирное мясо и кладут еду в сосуд *домбó*; шаман/шаманка сами оборачиваются *адá* и начинают есть вместе с ними/играть/притворяются пьяными; *адá* залезают в *домбó*; *домбó* закупоривают и сжигают/закапывают;

- шаман встречает *адá*, происходит конфликт; *адá* хотят задавить его ребенка/опекаемого им ребенка; шаман саблей/ножом рубит вместо *адá* ребенка; гонится за *адá*, которые поднимаются на небо к своим покровителям;

- шаман встречает *адá*, которые направляются в какую-то местность; он бьет их, топит в проруби/пускает по течению реки; оставляет одного духа с наказом впредь не приходить в эту местность.

Рассказы с подобным сюжетом уже более конкретизированы и нередко связаны с именами реальных шаманов и людей, живших в той или иной местности. Соответственно, событие локализовано в пространстве и времени, уже не столь отдаленном (по крайней мере, на момент записи), и представляет собой рассказ о прошлом с установкой на достоверность.

Рассказы третьей сюжетной группы – о встрече или контакте простых людей с *адá*, наиболее многочисленны и разнообразны, и именно по ним можно проследить трансформацию представлений об этом духе, методах борьбы с ним, участниках и свидетелях события, влиянии иноэтнической традиции и т. д., и вообще в целом мифологических рассказов подобного характера. Если первые две группы зафиксированы в основном в ранних записях, то современный материал содержит в подавляющем большинстве рассказы о встрече с *адá* простых людей, обстоятельствах этой встречи, последствиях и результате, каких-то выводах рекомендательного, табуированного и апотропейного порядка. Например, информант передает сюжет о контакте с духом, в котором принимает участие его родственник: проникновение духа в дом – его обнаружение по поведению ребенка – отгонные действия и изгнание духа – краткая информация о мерах предосторожности и апотропейных действиях (3, информант – женщина 1956 г. р., Осинский р-он, Иркутская обл.)

В рассказах этой группы нередко указывается точное время и место действия, по именам называются свидетели или непосредственно принимавшие участие в контакте с духом, причем на момент записи эти люди вполне могут подтвердить тот или иной случай. Именно эти рассказы в полной мере аккумулируют опыт субъективного взаимодействия с потусторонним существом, категорию мистического, потустороннего, которая реализуется через развертываемую сюжетную коллизию, интерпретацию явлений и событий, которые не поддаются однозначной расшифровке с точки зрения носителя информации через его практический опыт, т. е. так называемое народное знание об окружающем мире.

Ранние рассказы о контакте с *адá* сюжетно разнообразны, вариативны и объемны. Так, например, в материалах С. П. Балдаева содержится рассказ о том, как *адá* несколько раз меняли место своего жительства и хозяина, за которым могли ходить, причем в тексте есть игра слов с юмористической окраской (2, л. 5-6).

В архивных и опубликованных материалах более позднего времени есть сюжеты о том, как семья избавлялась от *адá*, которые душили их новорожденных детей – обманом заставив их сесть в лодку и пустив по реке (5, лл. 11-13), [10, с. 226-228].

Современные сюжеты более лаконичны, менее вариативны, невелики по объему. Главным сюжетобразующим мотивом выступает встреча с *адá*, происшествие с его участием. Далее развертывается определенное ситуативное действие – предпринимаются действия по «экзорцизму демона»; дается оценка произошедшего с точки зрения рассказчика; определяется табу, несоблюдение которого привело к появлению *адá*; дается предписание, что следует делать, чтобы избежать этого. Всегда присутствует элемент информативной назидательности, т. е. демонологические рассказы выполняют в какой-то степени социально-психологическую, воспитательную, апотропейную функции. Апотропейная регламентация поведения, предписываемая в рассказах, направлена на детей, которые, по представлениям бурят, больше взрослых уязвимы и открыты для воздействия сверхъестественных существ, поэтому выступают объектами патроната, для которых разработаны определенные модели поведения и табуированные действия, атрибуты-обереги и т. д.

В современном бытовании нет рассказов о происхождении *адá*. Информанты (и старшего, и среднего возраста) рассказывают о контакте с духом, методах его нейтрализации, апотропейных действиях, ссылаются в качестве свидетелей на уважаемых и достойных доверия людей – родственников, соседей, коллег, даже собственный опыт, могут довольно полно охарактеризовать *адá* как МП со всеми его атрибутами и функциями, четко отграничивая его от других духов, но не дают сведений о его происхождении. Нередко они пытаются рационально, материалистически и с современной точки зрения осмыслить, объяснить, что такое *адá*: считают, что под *адá* подразумевались мелкие хищные животные, ласки, которые могли прокусывать горло детям в бурятских колыбелях, стоявших на полу в юрте (4, информант – женщина 1955 г. р., Боханский р-он, Иркутская обл.); либо высокая детская смертность объясняется тяжелыми бытовыми условиями, отсутствием необходимого ухода и медицинской помощи. Но в целом, рассказы этиологического характера об *адá*, по-видимому, совершенно утрачены.

В ранних рассказах для того, чтобы изгнать *адá*, всегда требуется шаман или шаманка, о действиях которых и идет речь в сюжете. В современной традиции такие персонажи, как шаманы, противостоящие *адá*, отсутствуют. Изгнание *адá* переходит в область действий обычных людей, даже не наделенных особыми способностями видеть «нечистую силу».

Таким образом, в устной традиции западных бурят широко бытовали мифологические рассказы о духах низшей демонологии *адá*. Ранние сюжеты разнообразны, вариативны и объемны. В поздних материалах фиксируется утрата некоторых мотивов, сюжет более упрощен и краток, реализуется типовая ситуация встречи с духом. Тем не менее, сохраняется структура рассказа, представление о мифологическом персонаже, и сами рассказы продолжают жить в народной памяти.

Источники:

- (1). ЦВРК. Общий фонд, инв. № 1041. Унгинский фольклор. Запись А. А. Бальбурова. 1938-1945 гг.
- (2). ЦВРК. Ф. 36, Оп. 1, инв. № 1249. Балдаев С. П. Злые духи, преследующие маленьких детей. 1940 г.
- (3). ПМА 1 – Полевые материалы автора, записанные в Осинском районе Иркутской области в 2007-2008 гг.
- (4). ПМА 2 – Полевые материалы автора, записанные в Боханском и Осинском районах Иркутской области 19-27.08.2010 г.
- (5). ЦВРК. Общий фонд, инв. № 2115 а. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции Бурятского института общественных наук. 1970 г. Работы студентов. Папка № 2.

Список литературы:

1. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ. Режим доступа: <https://goo.gl/85KCGA> (дата обращения 17.08.2017).
2. Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и функции // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ. Режим доступа: <https://goo.gl/WhRxNp> (дата обращения 17.08.2017).
3. Черванева В. А. Быличка и поверье как разные способы передачи информации // Живая старина. 2014. № 1(81). С. 33-35.
4. Николаева Н. Н. Демонологические рассказы в современном фольклоре бурят (по материалам экспедиций) // *Siberian studies (SAD)*. Журнал исследований Сибири. 2014. Т. 2. Вып. 5. С. 97-121. DOI: 10.7816/sad-02-05-06.
5. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
6. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В III Т. Т. 1. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 507 с.
7. Затопляев Н. И. Нѣкоторые повѣрїя аларскихъ бурятъ // Записки Восточно-Сибирскаго отдела Императорскаго Русскаго географическаго общества по этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1889-1896. Т. 2, вып. 2: Шаманскія поверія инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. С. 1-10.
8. Баторов П. П. Бурятскія поверія о боходаяхъ и анахаяхъ // Записки Восточно-Сибирскаго отдела Императорскаго Русскаго географическаго общества по этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1889-1896. Т. 2, вып. 2: Шаманскія поверія инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. С. 10-15.
9. Фольклор Курумчинской долины / Сост., предисл. и коммент. С. С. Бардахановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 136 с.

10. Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

References:

1. Neklyudov S. Yu. Images of the Otherworld in Folk Beliefs and Traditional Literature. Access mode: <https://goo.gl/85KCGA> (circulation date is August 17, 2017).
2. Levkievskaya E. E. Mythological character: the ratio of the name and function. Access mode: <https://goo.gl/WhRxNp> (circulation date is August 17, 2017).
3. Chervaneva, VA Bylichka and povere as different ways of transferring information // Zhivaya antiquity. 2014. No. 1 (81). Pp. 33-35.
4. Nikolaeva NN Demonological stories in the modern folklore of the Buryats (based on expeditions) // Siberian studies (SAD). Journal of Siberia Studies. 2014. Vol. 2. Issue. 5. pp. 97-121. DOI: 10.7816 / sad-02-05-06.
5. Manzhigeev IA Buryat shamanistic and pre-Shamanistic terms. Moscow: Nauka, 1978. 128 pp.
6. Khangalov, MN Collected Works: In III T. 1. Ulan-Ude: Resp. type., 2004. 507 с.
7. NI Zatoplyaev. Some Povariyya Alarskih Buryat // Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society on Ethnography. Irkutsk: Type. KI Vitkovskaya, 1889-1896. T. 2, ed. 2: Shamansky belief of foreigners of Eastern Siberia. Irkutsk: Type. KI Vitkovskaya, 1890. S. 1-10.
8. Batorov, PP Buryatskiya poveria about pobolodyakh and anakhayah // Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society on ethnography. Irkutsk: Type. KI Vitkovskaya, 1889-1896. T. 2, ed. 2: Shamansky belief of foreigners of Eastern Siberia. Irkutsk: Type. KI Vitkovskaya, 1890. With. 10-15.
9. Folklore of the Kurumchin Valley / Comp., Preface. and comments. S. S. Bardakhanova. Ulan-Ude: Publishing house of the BSC Center of the SB RAS, 1999. 136 p.
10. Heavenly Swan Maiden. Buryat fairy tales, legends and legends. Irkutsk: East-Sib. book. Izd-vo, 1992. 368 p.

*Работа поступила
в редакцию 12.10.2017 г.*

*Принята к публикации
16.10.2017 г.*

Ссылка для цитирования:

Николаева Н. Н. Мифологические рассказы западных бурят: сюжеты о духах низшей демонологии // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №11 (24). С. 423-429. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/nikolaeva> (дата обращения 15.11.2017).

Cite as (APA):

Nikolaeva, N. (2017). Mythological stories of western Buryats: stories about the demons of lower demonology. *Bulletin of Science and Practice*, (11), 423-429